

Прощание

В тёплый-тёплый день Фу Линцзюнь, прижав Цзян Тана к груди, вошёл в глубокую долину, где были запечатаны тысяча триста двадцать шесть душ рода Фу.

Здесь за тысячи лет скопились кости всех тех, кто приходил в Гуанлиньфу свести счёты с Фу Линцзюнем. Белые скелеты громоздились вперемешку, превращая всю долину в настоящий дом с привидениями.

Но долина Тяньбэй больше не была землёй вечной ночи. Днём в ней уже не плясали жуткие болотные огни.

Пробравшись через груды костей, Цзян Тан увидел знакомую формацию.

Когда он только попал в этот мир, то не мог её понять. Теперь же наконец знал, что означают таинственные знаки, густо покрывавшие каменные столбы по четырём сторонам пустой площадки.

Это была усыпальница душ, вырезанная кровью самого Фу Линцзюня.

По сути, усыпальница душ была чем-то вроде дома, куда можно свободно входить и откуда можно свободно выходить. Фу Линцзюнь не держал души взаперти, и они могли бродить по долине, как хотели. Но позже, когда Сун Юнчжэн зажёл Благовоние Пылающей Души, они взбунтовались, превратились в духов мщения и вырвались из долины, желая сожрать Фу Линцзюня живьём. Тогда ему пришлось прибегнуть к ещё более жестокому способу и запечатать их внутри усыпальницы, навсегда лишив возможности выйти наружу.

Цзян Тан видел, как Фу Линцзюнь полоснул себя по ладони, сжал кулак и позволил крови капля за каплей стекать на круглый помост в центре усыпальницы. Когда кровь заполнила таинственные узоры, из-под земли медленно проступило жутковатое красное сияние, а потом внезапно рассеялось.

Сила, покрывавшая усыпальницу душ, исчезла.

Неизвестно откуда налетел ветер и взметнул в воздух чёрные волосы Фу Линцзюня.

Сначала наружу вытекла одна серовато-белая тень, а затем из усыпальницы одна за другой начали вырываться мстительные души. Они кружили вокруг Фу Линцзюня, как стая ядовитых змей, выжидая, как бы наброситься на нарушителя и пожрать его.

— Убить! Убить! Убить! Убить!

— Давайте вместе отправимся в ад! Вместе в ад!

— Крови! Мне нужна кровь! Много, очень много крови!

— Умри вместе с нами! Какой тебе смысл жить дальше!

...

Тысяча триста двадцать шесть духов мщения, тысяча триста двадцать шесть чувств, вьёвшихся в самые души. Хотя стоял самый разгар лета, в долине вдруг ощутило похолодало.

Жестокость Благовония Пылающей Души заключалась в том, что, однажды взбушевавшись, душа уже не могла успокоиться. Унять эту бурю могло только благовоние Цзиме.

Цзян Тан всегда боялся призраков.

Но теперь, увидев их снова, он больше не представлял ни перекошенные рожи, ни киношные спецэффекты из царства мёртвых.

Он вспоминал живых людей из бессмертного поместья Гуанлин.

Тот короткий прекрасный сон познакомил его со множеством тёплых и добрых людей из рода Фу. Пока они были живы, они были хорошими людьми. И даже став духами мщения, всё равно не вызывали у Цзян Тана страха.

— Иу-у! — пушистый комочек даже попытался вывернуться из рук Фу Линцзюня и подобраться поближе. Ему хотелось разглядеть на расплывчатых белых силуэтах лица и понять, нет ли среди них тех, кого он знал.

Фу Линцзюнь погладил его по ушам здоровой рукой, а затем достал из жемчужины-нахай простую старинную коробочку с благовонием.

Открыл её и поджёг.

Белый дымок, вьющийся из коробочки, подхватил ветер и унёс к кружащим неподалёку духам мщения.

Печаль, досада, ненависть, злоба, ярость — все эти чувства накрыл густой, долгий аромат Цзиме. Он погасил действие Благовония Пылающей Души, и мстительные духи вновь приняли

прежний облик.

— Иу... — пушистый комочек невольно шевельнул ушами.

Цзян Тан чувствовал, как души, утратив остроту и враждебность, становятся мягче и в растерянности мечутся по долине.

Они были мертвы слишком давно. Почти никто уже не помнил, кем был при жизни, а их душевная сила к тому же почти истощилась из-за Благовония Пылающей Души.

Ещё десять или двадцать лет такого расхода — и они, наверное, окончательно рассеялись бы в этом мире.

Не дожидаясь, пока рана на ладони затянется, Фу Линцзюнь прямо рядом с усыпальницей начал выводить кровью другой узор. Начертанные кровью знаки растворялись на поверхности усыпальницы, а потом превращались в золотисто-алые лучи, летевшие к растерянному блуждающим душам.

Цзян Тан знал, что он делает.

Печать долины Тяньбэй уже исчезла, благовоние Цзиме сняло действие Благовония Пылающей Души, и теперь Фу Линцзюнь собирался отправить тысячу триста двадцать шесть душ рода Фу обратно в круг перерождений.

Те, кого касался золотисто-алый свет, на миг замирали.

Словно и сами понимали, чего хочет Фу Линцзюнь, они, неся на себе это сияние, подплывали ближе.

Призрачная иньская ци была холодной, но очень мягкой.

Во сне они уже по-настоящему простились друг с другом, и потому теперь Фу Линцзюнь провожал их быстро.

По мере того как рисунок заклęcia завершался, все души, отмеченные сиянием, ощущали странный зов. Их ждал новый мир. Им пора было уходить.

Уходить из долины Тяньбэй, где они были запечатаны на протяжении тысячелетий.

— Вы хорошо потрудились, — тихо сказал Фу Линцзюнь, и в его глазах была невыразимая нежность.

Его взгляд скользил по одной душе за другой, будто он и вправду узнавал, кем они были прежде.

Один пухлый серовато-белый дух прижимался к маленькой мягкой душе и, сделав круг перед Фу Линцзюнем, пронёсся мимо него. Маленькая мягкая душа чиркнула рядом с его щекой холодным дыханием.

Она была такой крошечной, казалась очень живой и почему-то особенно тянулась именно к Фу Линцзюню.

Пальцы Фу Линцзюня едва заметно дрогнули.

Он осторожно протянул руку и коснулся этой маленькой мягкой души. Та ласково потёрлась о кончики его пальцев, а потом, смутившись, упорхнула.

И, уже не оборачиваясь, полетела туда, где сияло солнце.

Солнечный свет был чуть слепящим.

Фу Линцзюнь поднял голову и смотрел, как одна за другой души, освободившись от тысячелетних оков, взмывают в небо, где им открывался куда более широкий простор. Его ресницы дрожали.

— Иу, — Цзян Тан не выдержал и потёрся о него.

Мягкий хвост пушистого комочка скользнул по его груди, а обе лапки упёрлись в одежду.

Цзян Тан хотел сказать, что прощание нужно лишь затем, чтобы однажды встретиться снова. Но он ещё не обернулся человеком и потому не мог произнести ни слова.

И всё же Фу Линцзюнь понял его.

Он посмотрел на свою по-прежнему кровоточащую ладонь и очень послушно достал пузырёк с лекарством. Слой за слоем он присыпал рану порошком. Лишь когда он высыпал весь пузырёк, кровь кое-как остановилась.

— Пойдём домой, — сказал он.

— Иу! — с готовностью откликнулся Цзян Тан.

Бледно-золотой солнечный свет лёг на заваленную белыми костями долину и мазнул бликом

по прекрасному профилю Фу Линцзюня.

Пляшущие снаружи долины Тяньбэй молнии и пламя тоже понемногу рассеялись.

Это бессмертное поместье, запечатанное на тысячи лет, наконец в этот день вернулось в мир людей.

Хочу переехать

На свете есть такая поговорка: бедной паре живётся тяжело.

Конечно, Фу Линцзюня никак нельзя было назвать бедняком, да и положение у него было не низкое. Но суть ведь в другом: почему такой обеспеченный человек терпеть не может ни большие комнаты, ни мягкие кровати и изо дня в день спит на одном мече?

— Иу-у-у! — в сто двадцать восьмой раз Цзян Тан вцепился зубами в палец Фу Линцзюня, а потом, как и в предыдущие сто двадцать семь раз, был поднят одной рукой и тщательно выглажен от ушей до самого хвоста.

Он хотел спать на кровати! Хотел жить в большом доме! Не хотел и дальше ютиться где попало под открытым небом!

У главы общества любителей тискать мелкую живность, Сян Сина, слух был острый. Услышав недовольное сопение маленького комочка, этот здоровяк размером с гору уселся и принялся плести из длинных стеблей травы и лиан. С предельной тщательностью он разминал лозы в ладонях, пока те не становились мягкими, а потом переплёл их с травой и соорудил маленькое гнёздышко.

За долгие годы в долине Тяньбэй разрослись целые склоны самых разных растений. Когда-то у тропинки неподалёку от дерева с красными плодами рос небольшой пятачок одной травы: на коротких толстых стеблях сидели круглые пухлые шарики. Стоило снять с них сухую чашечку, и внутри обнаруживалась мягкая, словно хлопок, сердцевина.

Собери её побольше, распуши, хорошенько высуши на солнце, а потом постели в гнёздышко...

— Сяо Бай, — позвал Сян Син и показал готовое гнёздышко Цзян Тану.

Пушистый комочек высунулся из объятий Фу Линцзюня и, цепляясь лапками за клинок меча Шифо, посмотрел вниз.

Если бы пушистики умели покрываться чёрными полосами от потрясения, у него сейчас вся морда пошла бы полосами.

Нет, серьёзно: почему этим двоим, хозяину и слуге, ни разу не пришло в голову просто привести в порядок весь дворцовый комплекс Гуанлина?!

Пёсик страшно разозлился, а когда пёсик очень зол, последствия бывают серьёзными.

Фыркнув, он свернулся в комочек и повернулся к этим двоим спиной. Его пушистый хвост раздражённо мотался из стороны в сторону.

И тут он услышал низкий смешок Фу Линцзюня.

Это что ещё такое? Сам понимает, что неправ, и ещё вздумал очаровывать его своей красотой?

Будучи собакой принципиальной, Цзян Тан чувствовал, что не имеет права поддаваться на подобные чары. Он должен ясно дать этим двоим понять, что такое нормальная зажиточная жизнь!

И тут кто-то потрогал его за уши.

Потом погладил хвост.

А в конце Фу Линцзюнь достал из жемчужины-нахай промасленный свёрток с соевой говядиной и подсунул ему под нос.

— Не голоден?

Цзян Тан, которого неустанная забота Фу Линцзюня уже откормила до круглого шарика, молча повернулся обратно.

— Уинь, — только один разочек. И больше никаких исключений!

План с переездом Цзян Тану так и не удалось осуществить, пока он оставался пушистиком.

Два месяца он в тоске спал на мече Шифо, пока однажды на рассвете не проснулся и не понял, что снова стал человеком.

Совершенно голый и всё ещё лежащий в объятиях Фу Линцзюня, Цзян Тан первым делом не смутился, а с восторгом вспомнил, что наконец-то может переехать.

Плывать он хотел на этих двоих, которым нравится жить как придётся. Он собирался отправиться в Бафаюй, купить там всё подряд и заново отстроить долину Тяньбэй. И спать он будет на большой кровати!

Одержимость переездом уже окончательно затмила в нём чувство стыда. Не обращая ни малейшего внимания на потемневший взгляд большого босса, Цзян Тан тут же стянул с него верхнее одеяние и закутался в него:

— Пойдём покупать вещи!

Взгляд Фу Линцзюня скользнул по открытым участкам белой кожи юноши.

Цзян Тан поплотнее запахнул на себе одежду:

— Пойдём покупать вещи!

Фу Линцзюнь протянул руку, подхватил его и снова уложил обратно:

— Спать.

— Не буду! Попе жёстко! — возмутился Цзян Тан.

Фу Линцзюнь, кажется, о чём-то задумался.

Лишь спустя некоторое время он тоже сел:

— Пойдём покупать вещи.

<http://bllate.org/book/17032/1724049>